

В.В.Старостенко

г. Могилев, УО «МГУ им. А.А.Кулешова»

Диалог религиозных культур: из истории толерантности в Беларуси

Толерантность – понятие, которое обозначает терпимое и уважительное отношение к “иному” – иным религиозным, политическим и другим представлениям и убеждениям, иному образу жизни, иным обычаям, иному мышлению и мировосприятию, иной культурной ориентации [10, с. 14]. Толерантность в философском смысле – духовная констатация многовекторности реального бытия, его несводимости к неким единственно верным и одномерным стандартам. Чаще всего термин “толерантность” используется в значении религиозной терпимости. Формирование толерантности в духовной культуре, менталитете белорусского народа связано со столетиями его жизни в составе многоэтнических и поликонфессиональных государственных образований.

Проявления толерантности обнаруживаются в общественной жизни и мировоззрении наших предков с древнейших веков. Так, имела свою специфику христианизация белорусских земель. Если население Киева в конце X века было принуждено к крещению князем Владимиром, а о крещении новгородцев сохранилась пословица, что “Путята крестил их мечом, а Добрыня огнём”, то приобщение наших предков к новой религии шло в основном эволюционным путём. В течение последующих столетий на территории Беларуси сравнительно мирно уживались язычество и христианство. Воплощением языческо-христианского синтеза стал созданный в “Слове о полку Игореве” образ полоцкого князя Всеслава Чародея: “Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перерыскивал” [16, с. 73]. В конце XII века на эту черту менталитета обращает внимание составитель жития Евфросинии Полоцкой: просветительница “не бо хотяше видети кого которающася (враждующим. – В.С.): ни князя со князем, ни болярина з болярином, ни от простых кого со своим другом, но **всех хотяше имети, яко едину душу** (здесь и далее выделено мною. – В.С.)” [8, с. 36].

Принцип религиозно-этнической толерантности сыграл исключительно важную роль в процессе славяно-балтского синтеза, создания Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. Распространённым явлением в княжестве были межэтнические и межрелигиозные браки. Граничащая с религиозной индифферентностью веротерпимость была свойственна первым литовским великим князьям. Миндовг, принявший в 1246 г. православие, через пять лет переходит в католицизм, но продолжает приносить жертвы старым языческим богам, не препятствуя в то же самое

время даже родственникам исповедовать православие. Сын Миндовга Войшелк не только принял “русскую веру”, но и монашество. Свободу в отправлении религиозных обрядов предоставлял Гедимин. Оставаясь язычником, он позволял принимать христианство детям и родне. Христианками были две его последние жены, из семи сыновей четверо крещены в православие. Четыре дочери приняли православную веру, одна – католическую. В годы правления Витовта строились как католические костелы, так и православные храмы.

Геополитический фактор обусловил интенсивное взаимодействие в условиях ВКЛ этносов разных религиозных и духовно-культурных ориентаций: восточной, западной, православной, католической, протестантской, иудейской, исламской. Их сосуществование возможно было только на основе терпимости. Специфические культурно-религиозные условия жизни белорусского народа не могли не отразиться на его психологии и национальном характере. И.Кончевский (Абдиралович) в эссе “Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду” (1921 год) писал, что белорусская ментальность проявляет себя в колебаниях между Западным и Восточным “культурными типами”, и выражается это в нежелании избрать в качестве исходного пункта национальной культуры ни западное “латинство” с его индивидуализмом, ни восточный “византизм” с его максимализмом. Носителем менталитета “колебания” был полоцкий “византиец” и краковский “латинник” Франциск Скорина [1, с. 9, 12-14], пытавшийся отыскать общечеловеческий и общехристианский религиозно-нравственный императив взаимоотношений. В предисловии “в книги второго закону Моисеова” он постулирует: “то чините иным всем, что самому любо ест от иных всех, и того не чинити иным, чего сам не хоцеши от иных имети”. Эти принципы Скорина адресует всем “людem посполитым”, “... яко ко старейшим, яко ко младшим, яко ко немощным, **яко ко иноверком и яко ко всякому человеку**”, ибо люди должны учиться “**вкупе жити**”, строить отношения в обществе на принципах “братолюбия” и “друголюбия” [15, с. 62, 104, др.].

Религиозная терпимость в ВКЛ утверждалась постепенно и неоднократно подвергалась историческим испытаниям. По решению Кревской унии (1385), господствующей религией был провозглашен католицизм. Ягайло, король Польский и великий князь литовский, издал ряд постановлений, дискриминирующих православных верующих, составлявших подавляющее большинство населения княжества. Запрещались смешанные браки, строительство новых православных церквей и др. Грамота Ягайлы от 22 февраля 1387 г. гласила, что народы “Литвы и Руси, будут приведены к католической вере, в какой бы вере они не состояли”. Постановлением Городельского сейма 1413 г. право занимать должности в центральном и провинциальном управлении, участвовать в избрании великого князя получили только “римской церкви подвластные (католики. – В.С.), не схиз-

матики (здесь – православные. – В.С.) или другие неверующие”. Мотивировалось это тем, что “различие в верах приводит к различию в умах”. Только католики допускались в господарскую раду (п. 9) [3, с. 117].

Результатом подобного рода дискриминационной политики стало нарушение гражданского мира и единства страны. В ходе гражданской войны 30-х гг. XV века страна раскололась на княжества “Литовское” и “Русское”. Конфликт был улажен лишь возвратом к политике веротерпимости и политического компромисса, распространением на православных феодалов большей части прав, дарованных католикам (привилеи 1432 и 1434 гг.). Привилеем Владислава III 1443 г. провозглашалось равенство прав православного и католического духовенства. Привилей 1457 (1447) г. Казимира Ягеллончика устанавливал права шляхты независимо от вероисповедания. Это подтверждалось последующими грамотами 1492, 1506, 1529, 1547 и 1551 гг. Последняя ограничительная статья (п. 9) Городельского сейма 1413 г. была отменена, а привилегии “подданных костела Римскаго” распространялись на “все иные стану рыцарского и шляхетского, яко Литовского так и Руского народу, одно бы были веры хрестиянской” (т.е. на православных и протестантов) жалованной грамотой 1563 г. Сигизмунда II Августа, подтвержденной затем на Гродненском сейме 1568 г. Религиозная толерантность в качестве стабильной правовой нормы фиксируется в высших законодательных актах ВКЛ. Статут ВКЛ 1529 г. подтвердил все права и церковные привилеи “так латинского закону, яко и греческого”. Равноправие подчеркивалось и во втором Статуте ВКЛ (1566). Одним из самых толерантных законодательных актов Европы того времени являлся Статут ВКЛ 1588 г. Он включал полный текст манифеста религиозной терпимости – Акт Варшавской конфедерации 1573 г. Равенство христианских конфессий провозглашалось в 3 статье 3 раздела Статута: “А иж в Речи Посполитой есть розность немалая з стороны веры хрестияньское, забегаючи тому, абы се с тое причины межы людьми зашстье якое шкодливое не вщело, которую по инших королевствах яснее видим, обещуем,., иж, **которые естесмо розни в вере, покой межи собою заховати**, а для розное веры и отмены в костелех крови не проливать” [19, с. 113].

Существенную роль в распространении веротерпимости в ВКЛ играло реформационное движение. В середине XVI века протестантизм охватил значительную часть территории Беларуси и Литвы, распространился в среде магнатов, шляхты и горожан, став фактором социально-политической и национально-культурной жизни страны. Реформация способствовала осознанию значения религиозной свободы для общества, что и нашло отражение в актах 1563, 1568, 1573 гг. и Статуте 1588 г. Благоприятность ситуации конфессионального плюрализма была отмечена белорусской мыслью. “Золотой век” стал метафорой второй половины XVI в., времени относительной веротерпимости и гражданского согласия (мемуары

Ф.Евлашовского, “Лабиринт” Ф.Иевлевича, “Синописис” 1632 г. и др.) [17, с. 41-42, прим. 51]. О толерантных отношениях между католиками и православными в XV – XVI вв. (в отличие от XVII в.) свидетельствуют братские Уставы, согласно которым в эти организации могли “вписываться” и принимать участие в братских застольях “люди духовные якогж кольвек стану, Римской веры и Греческой” [4, с. 43; 5, с. 34; 9, с. 37]. Дух либеральных идей Возрождения, религиозная толерантность во многом определили характер мировоззрения белорусских мыслителей XVI – XVII вв. [11].

По убеждению Франциска Скорины, общее благо народа и страны, “всякого собрания людского и всякого града” покоится на сохранении гражданского мира и согласия (“ласки” и “згоды”). Благодаря согласию “все доброе всякому граду и всякому собранию приходит”, а “незгода... и наиболшие царства разрушает”. Поэтому нужно “жити во добрых обычаях, во соединении веры, вспомагающе друг друге со всякою любовию...” [15, с. 46, 69, 111, 115-116]. Эта скорининская идея являлась чрезвычайно важной в условиях полиэтничности и поликонфессиональности ВКЛ, оказывала позитивное воздействие на отечественную общественно-политическую жизнь, гармонично согласовывалась со стремлением просветителя служить “общему благу”, интересам народа в целом, всем “люддем посполитым” независимо от социальной и религиозно-конфессиональной принадлежности.

Конфессионально-мировоззренческая ориентация Скорины была выдержана в духе веротерпимости. По мнению исследователей, белорусский просветитель, ориентируясь на православного читателя, в то же время не связывал себя жёстко с определённой конфессией и по сути дела ратовал за свободный диалог всех христианских направлений [12, с. 79-80]. Об этом свидетельствует отсутствие в скорининских текстах конфессиональной полемики, апелляция ко “всякому человеку”, “ко всем верующим во Христа”, “люддем всем”; типичность формул “нам, хрестияном”, “нас всех хрестиян”, “хрестиянство наше”, “каждый хрестиянин” [15, с. 22, 105, 117, 32, 105, 106, 112, др.].

Поэтизируя миролюбивый характер белорусов, современник Скорины Николай Гусовский выступал также против таких порядков, когда другой народ “топит в крови иноверцев, сжигает селенья”, когда “вера велит ненавидеть другого” [2, с. 65]. Отстаивая право человека на свободное религиозное самоопределение, Стефан Зизаний писал в “Казанни Святого Кирилла Патриарха Иерусалимского”: “Не только до ереси отщепенства, **але и до широе веры през кгвалт и войну абы жадного** (никого. – В.С.) **не притягали**” [6, с.34]. Идеи веротерпимости и религиозной свободы нашли широкое отражение в полемике вокруг Брестской унии [18, с. 94-109].

Заметное влияние на становление идеологии религиозной свободы оказало реформационное движение. Некоторые деятели протестантизма как представители новой конфессиональной культуры особенно ясно осознавали важность и необходимость ситуации веротерпимости. Мартин Чеховиц был убеждён, что “никто никого не должен принуждать к своей вере”, а “каждый, кто исповедует свою веру, должен пользоваться широкой свободой” [20, с. 480]. Общенациональные интересы для протестанта Василия Тяпинского были выше религиозных разногласий. Уважительно относясь к православию и принятому в “греческой” церкви церковнославянскому языку, он издал Евангелие “двема езыки зараз, и словенским и при нем тут то руским, а то набольший словенским... яко они вси (православные. – В.С.) везде во всих церквах чтут и мают” для “лепшое их вери” и “их самих цвичения” [7, с. 88]. Отстаивая и пропагандируя идеи Реформации, критикуя традиционные христианские конфессии за отступление от евангельских истин [13, с. 27], Сымон Будный в то же время призывал не конфликтовать из-за веры. **“Не дай Боже, чтобы воевать за веру, – писал он в книге “О главнейших положениях христианской веры”, – это обычай безбожных людей”** [цит. по: 14, с.117]. Он глубоко возмущался по поводу возобладания в среде швейцарских кальвинистов религиозной нетерпимости, что выразилось в подстрекательстве женеvских властей к казни Мигеля Сервета. Воспитанная в духе религиозной терпимости часть польской, белорусской и украинской, прежде всего протестантской, шляхты отрицательно отнеслась к избранию на трон Речи Посполитой непримиримого католика Генриха Анжуйского, причастного к печально известным событиям 24 августа 1572 г. в Париже (Варфоломеевской ночи). Будный даже издал в переводе на польский язык в Лоске книгу Фриза “О фуриях, или о шаленствах французских”, где описывалась расправа над протестантами-гугенотами [14, с. 42].

История межконфессиональных и межэтнических отношений на белорусских землях довольно сложна и неоднозначна. Но при всей ее противоречивости и даже драматизме дело не дошло до такого религиозного ожесточения, как в Западной Европе. Здесь не рубили голов и не жгли на кострах иноверцев. Многие исследователи приходят к выводу, что белорусы в своем историческом прошлом никогда не отличались религиозным фанатизмом и шовинизмом. Выработанная нашим народом на протяжении столетий способность уживаться со своими соседями разных этносов и конфессий имеет чрезвычайную актуальность в условиях современной поликонфессиональной Беларуси.

Литература

1. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.

2. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / Сост. Э.К.Дорошевич и др. – М.: Педагогика, 1986. – 460 с.

3. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов в 3 т. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1. – 516 с.

4. Брага С. Доктар Скарына ў Маскве. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 47 с.

5. Владимиров П.В. Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатанные издания и язык. – Пб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1888. – 351 с.

6. Зизаний С. Казанне святого Кирилла патриархи Иерусалимского о антихристе и знаках его, з разширением науки против ересей раз-ных. – Вильна: Тип. братства Св. Духа, 1596.

7. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.

8. Кніга жыццй і хаджэнняў / Уклад., прадм. і каментарыі А.Мельнікава. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 503 с.

9. Макарий. История Русской церкви. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 5. – 560 с.

10. Падокшын С. Мы церпім ад нястачы, а не ад празмернай талерантнасці // Літаратура і мастацтва. – 1994. – 22 красавіка. – С. 14-15.

11. Падокшын С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: Ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.

12. Подокшин С.А. Франциск Скорина. – М.: Мысль, 1981. – 216 с.

13. Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 309 с.

14. Саверчанка І.В. Сымон Будны – гуманіст і рэфарматар. – Мінск: Універсітэцкае, 1993. – 223 с.

15. Скарына Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 207 с.

16. Слово о полку Игореве / Сост. и коммент. Л.Дмитриева. – М.: Худ. лит., 1985. – 222 с.

17. Старостенко В.В. “Лабиринт” Фомы Иевлевича: Из истории национально-культурной и религиозной жизни Могилёва и Беларуси конца XVI – первой половины XVII вв. – Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 1998. – 60 с.

18. Старостенко В.В. Свободомыслие и свобода совести в Беларуси: очерки истории. Монография. – Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 2004. – 266 с.

19. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.

20. Literatura arianska w Polsce XVI wieku. Antologia. – Warszawa: Książka i wiedza, 1959. – 664 s.